КВАЛИФИКАЦИЯ ДОГОВОРА С ОБЯЗАТЕЛЬСТВОМ ДОСТИЖЕНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО РЕЗУЛЬТАТА НА ПРИМЕРЕ ЭНЕРГОСЕРВИСНОГО ДОГОВОРА

МИНСКАЯ Мария Максимовна, магистр права Московской высшей школы социальных и экономических наук, LL. M. University of Manchester (UK), юрисконсульт ООО «Далькия Рус», группа Electricite de France (Франция)
Россия, 119571, г. Москва, просп. Вернадского, 82
E-mail: mariaminskaya@gmail.com

В российском праве договоры, порождающие обязательства что-либо сделать, традиционно рассматриваются как обязательства либо по выполнению работ, либо по оказанию услуг. Критерием, определяющим выбор одной из этих двух моделей, является акцент на процессе или результате. В договоре подряда результат рассматривается как вещь. Если обязательства исполнителя не направлены на вещественный результат, то отношения сторон регулируются договором оказания услуг. Существует неопределенность при квалификации договора, где достижение нематериального результата является единственным критерием исполнения обязательства. Такая неоднозначность квалификации является ключевой проблемой энергосервисного договора.

Цель исследования — квалифицировать энергосервисный договор и определить круг применимых норм в российском праве.

Проанализированы положения иностранных законодательных актов и актов международной унификации права, а также современная судебная практика. Используются общенаучные и частнонаучные методы познания, в том числе сравнительно-правовой и исторический методы.

Выводы. Энергосервисный договор в российском праве не может быть расценен исключительно как договор оказания услуг либо как договор подряда. Российская судебная практика по инерции вынужденно делает выбор между указанными договорными моделями, что существенно ущемляет свободу сторон энергосервисного договора. Даже признание энергосервисного договора смешанным договором не гарантирует приоритет договорных условий над императивными нормами отдельных договорных типов. При регулировании отношений сторон энергосервисного договора автор статьи предлагает ориентироваться на специфику долгосрочных договоров, отраженную в Принципах УНИДРУА в редакции 2016 г.

Ключевые слова: энергосервисный договор, обязательства по приложению усилий, обязательства по достижению результата, долгосрочный договор.

Для цитирования: Минская М. М. Квалификация договора с обязательством достижения нематериального результата на примере энергосервисного договора // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. С. 51—62. DOI: 10.12737/jflcl.2019.6.4

QUALIFICATION OF AGREEMENT WITH THE OBLIGATION TO ACHIEVE AN IMMATERIAL RESULT ON THE EXAMPLE OF ENERGY-SERVICE AGREEMENT

M. M. MINSKAYA, Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow 119571, Russian Federation
E-mail: mariaminskaya@gmail.com

Traditionally in Russian law the contracts with obligations are considered either as obligations to perform work, or as obligations to provide services. The criterion that determines to choose one of these two models is an emphasis on the process or on the result. The result in the construction contract is considered as an item. If the contractor's obligations are not aimed at a material result, then the relations of the parties are governed by the service agreement. The qualification of the contract is uncertain, as achieving the intangible result is the only criterion for the fulfillment of an obligation. This qualification ambiguity is a key issue for an energy-service contract.

The goal of this research is to qualify the energy-service contract and determine the range of applicable rules in Russian law.

To achieve the stated goal, the author analyzes the provisions of foreign laws and acts of international unification of law, as well as modern judicial practice. The author uses general scientific and private scientific methods of cognition, including comparative legal and historical methods to prepare this research.

The author comes to the following conclusions. The energy-service contract in Russian law cannot be regarded solely as a service contract or as a construction contract. By inertia, the Russian judicial practice is forced to make a choice between the specified contractual models, which significantly impairs the freedom of the parties of the energy service contract. It seems that even the recognition of an energy-service contract as a mixed one does not guarantee the priority of contractual terms over the mandatory rules of contractual types. When regulating the relations of the parties to the energy service contract, the author proposes to focus on the specifics of long-term contracts, as reflected in the UNIDROIT Principles 2016.

Keywords: energy-service contract, obligation to make efforts, obligation to achieve result, long-term contract.

For citation: Minskaya M. M. Qualification of Agreement with the Obligation to Achieve an Immaterial Result on the Example of Energy-Service Agreement. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* = *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2019, no. 6, pp. 51—62. (In Russ.) DOI: 10.12737/jflcl.2019.6.4

«Мы поставим вам паровой двигатель бесплатно. Мы установим его и возьмем на себя его обслуживание в течение пяти лет. Мы гарантируем, что уголь для парового двигателя обойдется вам дешевле, чем корм для лошадей, которые выполняют ту же работу. Единственное, что мы хотим взамен — треть ваших сэкономленных средств»¹.

Джеймс Уатт (1736—1819), изобретатель универсального парового двигателя

1. Понятие энергосервисного договора

1.1. Понятие энергосервисного договора в США и Европе. В самом общем виде энергосервис представляет собой бизнес-модель инвестиционно-оправданной модернизации производства или потребления, где прибыль энергосервисной компании достигается за счет экономии заказчика².

Американская национальная ассоциация энергосервисных компаний лаконично определяет энергосервисный договор как финансовый механизм, который позволяет платить за сегодняшние улучшения промышленного объекта будущей экономией энергоресурсов, без использования средств компании³.

Берлинское энергетическое агентство определяет энергосервис как партнерство между публичной или частной организацией и энергосервисной компанией, нацеленное на сокращение затрат на энергоресурсы, где энергосервисная компания, действуя на свой риск, производит все необходимые инвестиции и гарантирует энергосбережение. По итогам партнерства делят достигнутую экономию⁴.

В соответствии с п. 27 ст. 2 Директивы № 2012/27/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об энергетической эффективности...» энергосервисный перформанс-контракт — это соглашение между заказчиком и исполнителем (обычно — энергосервисной компанией) о мерах по повышению энергоэффективности, которые проверяются и контролируются в течение всего срока действия контракта, в соответствии с которым инвестиции (работа, поставка или услуги), связанные с осуществлением указанных мер, компенсируются в зависимости от достижения уровня энергетической эффективности, согласованного сторонами, или в зависимости от другого согласованного сторонами критерия энергоэффективности, такого как финансовые сбережения⁵ (курсивом выделены отличия от предыдущей версии определения⁶. — М. М.).

В исследовании энергосервиса в России дано общее определение энергосервисного договора в мировой практике, в соответствии с которым энергосервисные перформанс-контракты понимаются как «договоры между собственником (представителем собственника) имущества и лицом, оказывающим энергосервисные услуги, на выполнение мероприятий по повышению энергоэффективности, согласно которому инвестиции в указанные мероприятия окупаются в зависимости от согласованного в договоре достигнутого уровня энергоэффективности»⁷.

С экономической точки зрения, по словам А. А. Бурчаковой, механизм энергосервиса «основан на принципе оплаты энергосберегающих мероприятий, реализуемых специализированными ком-

¹ Bleyl-Androschin J. W., Ungerböck R. What is Energy Contracting (ESCO services)? 2009. URL: <http://www.ieadsm.org/task/task-16-innovative-energy-services-energy-contracting-esco-services>.

² См.: Hansen Sh. J., Langlois P., Bertoldi P. World ESCO Outlook, The Fairmont Press, Inc., 2012. P. 3.

³ Официальный сайт Американской национальной ассоциации энергосервисных компаний. URL: <http://www.naesco.org/what-is-an-escp>.

⁴ Официальный сайт Берлинского энергетического агентства. URL: <http://www.berliner-e-agentur.de/en/topics/energy-performance-contracting>.

⁵ Directive 2012/27/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 on energy efficiency, amending Directives 2009/125/EC and 2010/30/EU and repealing Directives 2004/8/EC and 2006/32/EC.

⁶ Directive 2006/32/EC of the European Parliament and of the Council of 5 April 2006 on energy end-use efficiency and energy services and repealing Council Directive 93/76/EEC.

⁷ Создание и деятельность энергосервисных компаний и перформанс-контрактов в России. Т. 1: Энергосервис и перформанс-контракты: возможности и проблемы их реализации в России / под ред. И. Г. Грицевич. М., 2011. С. 5.

паниями за счет сэкономленных от энергосбережения средств»⁸.

В результате анализа понятия энергосервисного договора в иностранных правовых порядках следует вывод, что главная особенность рассматриваемого договора — это прямая зависимость вознаграждения энергосервисной компании от достижения энергосберегающего эффекта.

1.2. Понятие энергосервисного договора в России.

В российском законодательстве определение энергосервисного договора закреплено в п. 8 ст. 2 Федерального закона от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон об энергосбережении). Он гласит: энергосервисный договор (контракт) — договор (контракт), предметом которого является осуществление исполнителем действий, направленных на энергосбережение и повышение энергетической эффективности использования энергетических ресурсов заказчиком.

Существенными условиями энергосервисного договора согласно Закону об энергосбережении являются:

1) предмет энергосервисного договора — осуществление исполнителем действий, направленных на энергосбережение и повышение энергетической эффективности использования энергетических ресурсов заказчиком;

2) условие о результате действий исполнителя — условие о величине экономии энергетических ресурсов (в том числе в стоимостном выражении), которая должна быть обеспечена исполнителем в результате исполнения энергосервисного договора;

3) условие о сроке действия энергосервисного договора, который должен быть не менее срока, необходимого для достижения установленной энергосервисным договором величины экономии энергетических ресурсов.

Среди факультативных условий, предложенных законодателем для согласования в энергосервисном договоре, особого внимания заслуживает условие об определении цены. Законодатель устанавливает, что цена в энергосервисном договоре может быть определена исходя из показателей, достигнутых или планируемых для достижения в результате реализации энергосервисного договора, в том числе исходя из стоимости сэкономленных энергетических ресурсов.

Таким образом, Закон об энергосбережении следует общемировым тенденциям в отношении регу-

лирования энергосервисного договора и позволяет указывать полученную экономию в качестве источника платежей. Однако в отличие от иностранных правовых порядков, где указание на обусловленность вознаграждения достижением результата заложено в самом определении энергосервисного договора, Закон об энергосбережении выделяет обусловленность вознаграждения исполнителя в качестве факультативного условия.

Тем не менее классическая бизнес-модель энергосервиса основывается на том, что, если энергосберегающий эффект не будет достигнут, энергосервисная компания не получит вознаграждения. Более того, в этом случае даже фактически понесенные затраты энергосервисной компании не подлежат возмещению заказчиком.

Настоящее исследование направлено на изучение классического энергосервисного договора, где вознаграждение исполнителя полностью обусловлено достижением нематериального результата.

2. Квалификация энергосервисного договора в России

2.1. *Энергосервисный договор — подряд или оказание услуг?* Традиционно договоры, порождающие обязательства что-либо сделать (*facere*), рассматриваются через двухзвенную структуру — обязательства по оказанию услуг и обязательства по выполнению работ.

Противопоставление договора услуг и договора подряда зародилось еще в римском праве. В римском праве основополагающим признавалось положение вещи, а предоставление труда приравнивалось к предоставлению вещи. Личный наем понимался римскими юристами как договор, в силу которого в наем предоставлялась рабочая сила человека, при этом сам человек в наем не поступал. Услуги же, оказанные лицом в процессе исполнения договора личного найма, воспринимались как аналог процентов, т. е. как нечто побочное⁹.

Таким образом, изначально разграничение подряда и услуг строилось не по критерию результативности, а посредством определения, что именно передавалось: рабочая сила или вещь.

В настоящее время подход к разделению обязательств что-либо сделать звучит иначе. Критерием, определяющим выбор между подрядной моделью и моделью оказания услуг, является акцент на одном из двух аспектов — процессе или результате¹⁰.

Российская судебная практика исходит из следующего: «По смыслу положений ст. 702 (договор подряда) и ст. 779 (договор возмездного оказания услуг) Гражданского кодекса Российской Федерации дого-

⁸ Бурчакова А. А. Развитие механизма энергосервиса как направления повышения энергоэффективности: дис. ... канд. экон. наук. М., 2016. С. 29.

⁹ См.: Степанов Д. И. Услуги как объект гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 21.

¹⁰ См.: Белов В. А. Гражданское право: в 4 т. Т. 2. Кн. 1. М., 2016. С. 444.

вор подряда отличается от договора на возмездное оказание услуг тем, что результат деятельности подрядчика имеет овеществленный характер и выражается в создании вещи по заданию заказчика или ее трансформации (реконструкции, ремонте и т. д.), в отличие от деятельности услугодателя, не приводящей к созданию вещественного результата. По договору подряда ценность для заказчика представляет результат работ, в договоре на оказание услуг ценностью для заказчика являются сами действия исполнителя»¹¹.

Главным теоретическим препятствием на пути признания энергосервисного договора конструкцией подряда является то, что результат деятельности подрядчика (результат работ) традиционно определяется как «овеществленный результат, осязаемый и отделимый от личности самого подрядчика (построенный дом, отремонтированные туфли, усовершенствованный станок)»¹². Достижение экономии энергоресурсов представляет собой нематериальный результат, в связи с чем он не может быть расценен как работа по смыслу устоявшихся в российском гражданском праве категорий.

Соответственно, по остаточному принципу, если договор с обязательством сделать что-либо не имеет овеществленного результата, то этот договор относится к категории услуг. Определение услуг от обратного (в противопоставление пониманию результата в рамках подрядной модели), т. е. как нечто полезное, но не овеществленное, позволяет расширять наполнение категории услуг до бесконечности.

Опираясь на исследование Д. И. Степанова, можно сделать вывод, что модельный тип оказания услуг — это довольно размытая категория, и доказать, что энергосервисный договор относится к данному типу, затруднительно. В связи с этим поставим вопрос иначе: справедливо ли регулирование энергосервисного договора нормами гражданского кодекса, установленными для договора оказания услуг?

Для модельного типа оказания услуг, заложенного в Гражданском кодексе РФ, характерно следующее: 1) услуги считаются оказанными надлежащим образом после совершения действий, независимо от результата; 2) риск недостижения результата по договору оказания услуг несет заказчик; 3) договор оказания услуг может быть прекращен в любой момент по инициативе одной из сторон.

Таким образом, при рассмотрении энергосервисного договора через призму договорной конструкции по оказанию услуг ряд вопросов остается дискуссионным: 1) допустимо ли обусловить исполнение обя-

зательств энергосервисной компанией достижением результата — энергосберегающего эффекта; 2) возможно ли возложить риск недостижения результата на исполнителя; 3) можно ли ограничить право одностороннего немотивированного отказа с целью обеспечения стабильности долгосрочного контракта исходя из того, что средний срок окупаемости энергосервисного проекта 10 лет?

Даже при положительных ответах на эти вопросы их постановка заставляет задаться вопросом о том, что если для причисления энергосервисного договора к договорному типу оказания услуг необходимо делать такие исключения из общего правила, то целесообразно ли это.

2.2. Энергосервисный договор — приложение максимальных усилий или достижение результата? В иностранных правовых порядках спор между договором оказания услуг и работ обсуждается в контексте деления обязательств на «обязательства по приложению усилий» и «обязательства по достижению результата». Такое деление сформировалось во Франции в ответ на противоречие между положениями Французского гражданского кодекса (далее — ФГК). Среди теорий, объясняющих смысл ст. 1137 и 1147 ФГК, широкое распространение получила теория Рене Демога, выдвинутая им в 1928 г. Ученый предложил разграничивать указанные статьи, говоря, что ст. 1137 ФГК распространяется исключительно на обязательства по приложению усилий, а ст. 1147 ФГК — на обязательства по достижению результата. Основная идея Р. Демога заключалась в том, что в отношении обязательств по достижению результата вина исполнителя презюмируется, а в отношении обязательств по приложению усилий наличие вины должен доказать заказчик¹³.

Таким образом, разделение обязательств по приложению усилий и по достижению результата во французском праве являлось не причиной, а следствием неопределенности в законе. Тем не менее выдвинутое Р. Демогом деление стало активно использоваться в теории гражданского права, а также в актах международной унификации.

В отечественной литературе отмечается, что «законодатель моделирует обязательства по оказанию услуг как обязательства максимального приложения усилий»¹⁴. Последствием такого подхода является право услугодателя требовать оплаты за надлежащее совершение действий вне зависимости от достижения какого-либо полезного эффекта.

¹¹ Постановления ФАС Западно-Сибирского округа от 2 марта 2010 г. по делу № А27-9091/2009, от 5 июля 2012 г. по делу № А81-3701/2011.

¹² Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. М., 2016. Т. 2.

¹³ См.: Акифьева А. А. Развитие теории о делении обязательств на обязательства по приложению усилий и достижению результата во французской доктрине гражданского права // Вестник гражданского права. 2015. № 3. С. 237—278.

¹⁴ Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. М., 2017. Т. 2. С. 341—348.

Тем не менее применительно к отдельным договорам, отнесенным к типу оказания услуг, законодатель конструирует обязательства по модели «обязательства достижения результата», по сути, перераспределяя риск недостижения полезного эффекта подобных услуг, возлагая его на исполнителя. Обязанность достижения неовещественного результата возлагается на исполнителя также при оказании услуг по перевозке (п. 1 ст. 785, п. 1—3 ст. 796 ГК РФ) и хранению (п. 1 ст. 886, п. 3 ст. 896 ГК РФ), но напомним, что согласно п. 2 ст. 779 ГК РФ общие правила регулирования договора оказания услуг к перевозке и хранению не применяются. Из этого можно сделать вывод, что перевозка и хранение представляют собой исключение из общего правила и с точки зрения теории российского права относятся к услугам, но с обязательством достижения результата.

Возможность включения обязательства по достижению определенного результата в конструкцию договора услуг часто обсуждается в отношении гонораров успеха в договоре оказания юридических услуг. Высший Арбитражный Суд РФ разъяснил, что в отношении договоров оказания юридических услуг стороны вправе согласовывать результат, однако под результатом понимают некие вспомогательные овеществленные материалы (письменные консультации и разъяснения по юридическим вопросам; проекты договоров, заявлений, жалоб и других документов правового характера и т. д.)¹⁵, но не исход судебного дела.

Вероятно, суды в этом вопросе исходят скорее из политико-правовых соображений, в связи с чем выводы по этим видам услуг вряд ли стоит транслировать на все остальные услуги¹⁶.

Тем не менее обязанность исполнителя в договоре оказания услуг не только прикладывать максимальные усилия, но и достигать результат обсуждается и в отношении других услуг. Должен ли исполнитель отвечать за сохранность машины в договоре оказания услуг паркингования¹⁷; отвечать за результат в договоре оказания услуг по отпугиванию птиц на аэродроме?¹⁸

Значимый комментарий дан Верховным Судом РФ в отношении договора охранных услуг: «Приложение максимальных усилий к сохранению имущества заказчика является сутью обязательств

исполнителя по договору охранных услуг и соответствует требованиям честной деловой практики, установленным для организации, которая осуществляет охрану на профессиональной основе»¹⁹. В данном споре, когда стороны явно не определили характер обязательства договора оказания услуг как направленный именно на результат, Верховный Суд, апеллируя к III-I:103 Модельных правил европейского частного права²⁰, предлагает руководствоваться общими критериями добросовестности и честной деловой практики. Представляется, что Верховный Суд, отсылая к Модельным правилам, предусматривающим вышеуказанное разграничение обязательств, поспособствует становлению критерия результативности в договорах услуг.

В Принципах УНИДРУА также заложены разграничение обязательств по приложению максимальных усилий и обязательств по достижению результата, а также критерии определения характера обязательств²¹. Согласно ст. 5.1.5 Принципов УНИДРУА при определении, в какой степени обязательство стороны включает обязанность проявлять максимальные усилия при выполнении каких-либо действий или обязанность достичь определенного результата, во внимание должны быть приняты, помимо прочих факторов: способ, которым выражено обязательство в договоре; договорная цена и другие условия договора; степень риска, присутствующего обычно при достижении определенного результата; способность другой стороны влиять на исполнение обязательства.

Очевидно, что, если оперировать критериями ст. 5.1.5 Принципов УНИДРУА, энергосервисный договор содержит обязательства достижения определенных результатов, особенно если цена договора установлена в качестве процента от достигнутой экономии энергоресурсов.

Российская судебная практика по-разному оценивает соотношение обязанности достижения вещественного и нематериального результатов в энергосервисном договоре. Установка оборудования, представляющая собой промежуточный вещественный результат, в одних случаях расценивается как второстепенная обязанность исполнителя, а в других — как самостоятельная.

Так, в нескольких связанных делах рассматривался спор по иску энергосервисной компании к заказчику о взыскании задолженности по энергосервис-

¹⁵ См. п. 1 информационного письма Президиума ВАС РФ от 29 сентября 1999 г. № 48; постановление Президиума ВАС РФ от 24 января 2012 г. № 11563/11 по делу № А41-27081/10.

¹⁶ См.: Карпетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. М., 2012. Т. 2. С. 453.

¹⁷ См. апелляционное определение Кемеровского областного суда от 3 мая 2018 г. по делу № 33-4241/2018.

¹⁸ См. определение ВАС РФ от 16 февраля 2012 г. № ВАС-251/12 по делу № А76-1910/2011.

¹⁹ Определение ВС РФ от 22 января 2015 г. по делу № 306-ЭС14-1977, А65-15292/2013.

²⁰ См.: Модельные правила европейского частного права. Пер. с англ. / науч. ред. Н. Ю. Рассказова. М., 2013.

²¹ UNIDROIT Principles Of International Commercial Contracts, 2016 International Institute for the Unification of Private Law (UNIDROIT). URL: <https://www.unidroit.org/english/principles/contracts/principles2016/principles2016-e.pdf>.

ному договору, которая была определена исходя из фактически достигнутой экономии²². Заказчик, возражая против требований энергосервисной компании, апеллировал к тому, что исполнителем не выполнены определенные мероприятия.

Суды расценили заключенный сторонами договор как энергосервисный договор с обязательством достижения нематериального результата, что позволило им взыскать вознаграждение в пользу исполнителя даже при выполнении не всех энергосервисных мероприятий. При вынесении решений суды ссылались на нормы об оказании услуг.

В другом случае при оценке энергосервисного договора помимо достижения энергосбережения суд придал значение определенному вещественному промежуточному результату. Недостижение вещественного результата было признано неисполнением ответчиком обязательств, предусмотренных контрактом, и к энергосервисной компании были применены меры ответственности в виде неустойки за просрочку исполнения. Но в рамках этого же дела по встречному иску энергосервисной компании с заказчика была взыскана задолженность по выплате вознаграждения, рассчитанная исходя из фактически достигнутой экономии²³.

Суд, рассматривая данный спор, признал обязательство по достижению нематериального результата (энергоэффективности) исполненным и подлежащим оплате, а обязательство по выполнению работ (внедрению определенного энергосберегающего оборудования) нарушенным. При этом суд расценил заключенный договор как смешанный и применил к нему нормы о подряде и поставке.

Приведенные примеры наглядно показывают последствия расстановки акцента на промежуточном вещественном результате (установка оборудования) и итоговом нематериальном результате (энергосбережение).

2.3. Место энергосервисного договора в системе гражданско-правовых договоров в России. По вопросу о квалификации энергосервисного договора существует множество позиций. А. И. Васильченко в ходе анализа энергосервисного договора приходит к выводу, что он относится к договору оказания услуг²⁴. Некоторые исследователи считают энергосервисный

договор самостоятельным видом договора²⁵. Существует позиция, согласно которой энергосервисный договор является смешанным, сочетающим элементы договора оказания услуг, выполнения работ и поставки²⁶.

Наблюдается и иной подход. Е. Ю. Матвеева не считает энергосервисный договор самостоятельным видом договорного обязательства, а признает за ним статус специальной (типовой) договорной конструкции, правовой модели, наряду с государственным контрактом, публичным договором, договором присоединения, предварительным договором, рамочным договором или договором с открытыми условиями, опционным договором, договором с исполнением по требованию и договором в пользу третьего лица²⁷.

Так, А. И. Васильченко, определяя место энергосервисного договора в системе договорного права, исходит из следующего: «Энергосервисный договор является поименованным договором российского законодательства; по этой причине невозможно отнести исследуемый договор также к категории смешанных договоров». Далее автор отсекает подрядную модель по причине отсутствия вещественного результата и в конечном счете признает энергосервисный договор разновидностью договора оказания услуг, поскольку «...в энергосервисном договоре законодатель акцентирует внимание не столько на достижении определенного результата (экономии энергии), сколько на процессе, позволяющем достичь указанный результат путем перераспределения финансовых рисков...»²⁸.

Таким образом, автор обосновывает принадлежность энергосервисного договора к договору оказания услуг из присущего энергосервисному договору свойства — перераспределение рисков с заказчика на исполнителя. Тем не менее по общему правилу риск недостижения результата в договоре оказания услуг, напротив, лежит на заказчике. Законодательно установлено: если невозможность исполнения дого-

²² Дело № А33-12515/2015: предмет рассмотрения — задолженность за февраль 2015 г. (итоговый акт: определение ВС РФ от 30 марта 2017 г. № 302-ЭС16-20051); дело № А33-3658/2016: предмет рассмотрения — задолженность за период с марта 2015 г. по май 2015 г. (постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 31 января 2018 г. № Ф02-6990/2017 по делу № А33-3658/2016).

²³ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 8 июня 2017 г. № Ф06-20666/2017 по делу № А06-2231/2016.

²⁴ См.: Васильченко А. И. Энергосервисный договор: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. С. 31—57.

²⁵ См.: Ищенко И. А., Земцов А. А. Энергосервисный контракт как новый вид инвестиционного договора // Проблемы учета и финансов. 2012. № 3 (7); Матияшук С. В. Система договорных отношений в электро- и теплоснабжении в условиях развития когенерации: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2012. С. 375.

²⁶ См.: Туликов А. В. Правовые аспекты энергосервисной деятельности // Энергосбережение. 2012. № 1. С. 10—14; Янсон С. Ю. Обеспечение энергосбережения в военно-бюджетной сфере на основе развития института энергосервисных контрактов // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 8. С. 100—105.

²⁷ См.: Матвеева Е. Ю. Правовое регулирование энергосервисных контрактов в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 38—58.

²⁸ Васильченко А. И. Указ. соч. С. 55.

вора оказания услуг возникла даже по причинам, не зависящим от заказчика, риски лежат на заказчике (п. 3 ст. 781 ГК РФ). Норма является диспозитивной, и соглашением можно закрепить иную схему перераспределения рисков, однако наличие общего правила вряд ли позволяет утверждать, что договору оказания услуг присуще обратное. Напротив, риск невозможности исполнения договора подряда, возникшей по причинам, не зависящим от подрядчика, лежит на подрядчике. Таким образом, аргумент о перераспределении рисков в пользу исполнителя должен был бы привести к причислению энергосервисного договора к договору подряда, однако, как уже упоминалось, сделать это мешает невещественная природа результата энергосервисного договора.

Е. Ю. Матвеева не считает энергосервисный договор самостоятельным договором, не признает его существующим договорным типом, а также не считает его смешанным²⁹. В силу полной обусловленности обязательства достижением энергосберегающего эффекта автор выдвигает теорию о том, что энергосервисный договор является специальной (типовой) договорной конструкцией. Далее автор формулирует следующее доктринальное определение: «Энергосервисным договором (контрактом) признается договор, в котором срок, цена и порядок оплаты установлены исходя из получаемой заказчиком в результате реализации договора экономии энергетических ресурсов»³⁰.

А. И. Васильченко выделяет перераспределение рисков как главную особенность энергосервисного договора, что кажется нам полностью верным. Е. Ю. Матвеева акцентирует внимание на достижении нематериального результата.

Мы считаем, что ключевая характеристика энергосервисного договора — обусловленность встречного предоставления от экономии должника. Теоретически такая зависимость последствий может обосновываться через конструкцию условного обязательства по модели ст. 327¹ ГК РФ. Кроме того, мыслимы и рассуждения о степени влияния данного условия на каузу энергосервисного договора — не является ли данное условие собственно каузой договора³¹. Для целей настоящей работы мы лишь акцентируем внимание на специфике энергосервисного договора, которая не вписывается ни в конструкцию договора оказания услуг, ни в конструкцию договора подряда.

По нашему мнению, вопрос о квалификации энергосервисного договора в первую очередь имеет це-

лю определение круга норм, подлежащих применению. В этом смысле предложенный Е. Ю. Матвеевой подход, хоть и заостряет внимание на специфике договора, не решает вопрос о круге применимых к нему норм.

Представляется, что независимо от того, какой юридической конструкцией объяснить специфику энергосервисного договора, следует предоставить сторонам свободу определять условия соглашения исходя из следующего: 1) обусловленность вознаграждения исполнителя достижением нематериального результата; 2) возложение рисков на исполнителя; 3) долгосрочный характер отношений.

Для определения круга применимых норм не имеет значения, какой теоретический подход использован для объяснения специфики энергосервисного договора — признание его самостоятельным видом, смешанным договором либо договором оказания услуг, где основное обязательство поставлено под условие по модели ст. 327¹ ГК РФ. Для выявления применимых положений Гражданского кодекса РФ считаем необходимым признать лишь то, что энергосервисному договору присуща специфика, которая не вписывается в рамки типичных договоров или их сочетаний.

Все вышеназванные подходы к квалификации энергосервисного договора возможны, но они не позволяют определить круг норм, применимых к энергосервисному договору.

Если рассматривать энергосервисный договор в рамках договорного типа оказания услуг, представляется, что условие о достижении нематериального результата ставит под сомнение целесообразность безоговорочного применения п. 2 и 3 ст. 781, ст. 782 ГК РФ. В свою очередь, признание энергосервисного договора самостоятельным видом с большой степенью вероятности повлечет применение норм о договоре оказания услуг по аналогии.

К сожалению, признание энергосервисного договора смешанным тоже оставляет неопределенность в части применимых норм. Согласно п. 3 ст. 421 ГК РФ к отношениям сторон по смешанному договору применяются в соответствующих частях правила о договорах, элементы которых содержатся в смешанном договоре, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа смешанного договора. Представляется, что категории «элемент договора», «существо смешанного договора» являются оценочными и не гарантируют приоритет договорных условий над императивными нормами отдельных договорных типов.

Наиболее ярко эта проблема проявляется в праве заказчика в одностороннем порядке в любое время отказаться от исполнения энергосервисного договора, мотивируя тем, что такое право законодательно гарантировано (ст. 782 ГК РФ).

²⁹ См.: Матвеева Е. Ю. Указ. соч. С. 38—58.

³⁰ Там же. С. 58.

³¹ См.: Карапетов А. Г. Условные права и обязанности: обзор проблемных вопросов применения ст. 157 и 327¹ ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 6. С. 71—128.

3. Изменение и расторжение энергосервисного договора по инициативе одной из сторон

Принцип обязывающей силы договоров отражен в общих положениях об обязательствах в ст. 309, 310 ГК РФ, в силу которых обязательства должны исполняться надлежащим образом и одностороннее изменение условий обязательства не допускается, за исключением случаев, предусмотренных законом.

Не вызывает сомнений, что стороны своим соглашением могут как изменить, так и расторгнуть заключенный договор. Однако определение судьбы договора осложняется, если между сторонами нет согласия, а наоборот, их интересы противоположны. В то время как одна сторона апеллирует к вышеприведенному принципу верности условиям договора, другая сторона настаивает на прекращении договора или на изменении его условий. В такой ситуации право решает конфликт разнонаправленных интересов и в некоторых случаях позволяет расторгнуть или изменить договор по инициативе одной из сторон, обременяя тем самым другую сторону.

Одностороннее изменение и расторжение договора осуществляется, как правило, в судебном порядке и разрешается в пользу иницирующей стороны при доказанности определенного основания. Между тем право допускает такое отступление от принципа обязывающей силы договора как возможность одностороннего внесудебного отказа от договора.

В отношении предмета настоящего исследования рассмотрение правовой возможности одной из сторон повлиять на судьбу договора имеет особую значимость. Поскольку энергосервисная компания своими силами и за свой счет осуществляет энергосервисные мероприятия, направленные на энергосбережение, которые приведут к результату в отдаленной перспективе, для исполнителя чрезвычайно важно исполнение договора в течение запланированного срока. Только при надлежащем исполнении договора обеими сторонами на протяжении согласованного срока энергосервисная компания имеет возможность вернуть собственные затраты и получить прибыль. Важность срока как элемента энергосервисного договора выделена и законодателем. Напомним: формулируя условие о сроке как существенное условие энергосервисного договора, законодатель устанавливает, что срок договора должен быть не менее, чем срок, необходимый для достижения запланированной величины экономии энергетических ресурсов (п. 2 ст. 19 Закона об энергосбережении).

Таким образом, досрочное прекращение энергосервисного договора по инициативе заказчика представляет риск для энергосервисной компании. Данная проблематика будет рассмотрена в рамках немотивированного внесудебного одностороннего отказа и общих оснований для расторжения договора в судебном порядке.

Кроме того, долгосрочный характер энергосервисного договора вынуждает также признать, что существует потребность в гибкости договорных условий, а это порождает конфликт с обязывающей силой договора. Указанное противоречие рассмотрено в контексте одностороннего изменения договора.

3.1. Односторонний отказ от исполнения энергосервисного договора. Согласно п. 1 ст. 310 ГК РФ односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных законом. Комментируя общее регулирование одностороннего отказа, А. Г. Карапетов отмечает: «Тот факт, что сторона утратила интерес к исполнению договора, сам по себе не дает этой стороне право произвольно выйти из контракта или изменить его условия, даже если она готова предложить другой стороне ту или иную компенсацию»³².

Однако согласно закону стороны вправе согласовать право на односторонний отказ от договора в предпринимательских отношениях без ограничений, а в отношениях, где одна сторона не осуществляет предпринимательскую деятельность, — только в пользу такой стороны (п. 2 ст. 310 ГК РФ). Кроме того, предприниматели могут установить плату за односторонний отказ, который предусмотрен Гражданским кодексом РФ, другим законом, иным правовым актом или договором (п. 3 ст. 310 ГК РФ).

После прочтения данной нормы создается впечатление, что предприниматели свободны в согласовании права на односторонний отказ, порядка его осуществления и в установлении платы за его реализацию. Однако на практике согласованные сторонами условия одностороннего отказа претерпевают патерналистские интервенции. Например, согласованная сторонами плата за односторонний отказ от договора снижается судом³³.

К сожалению, судебная практика в отношении энергосервисного договора является иллюстрацией консервативного подхода к возможности сторон определять условия одностороннего отказа.

Так, в деле по иску заказчика к энергосервисной компании об обязании ответчика демонтировать и вывезти оборудование, установленное на объекте заказчика, вследствие одностороннего отказа заказчика от договора суд признал ничтожными договоренности сторон в отношении условий реализации од-

³² Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307—453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2017. С. 78.

³³ См.: Карапетов А. Г. К вопросу о снижении платы за отказ от договора. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 28.06.2017 № 309-ЭС17-1058 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 8. С. 10—21.

ностороннего отказа и применил норму о немотивированном одностороннем отказе³⁴.

Энергосервисная компания разработала проект по применению альтернативного источника тепла на канализационно-насосной станции заказчика. Для реализации энергосервисного договора энергосервисная компания смонтировала свое оборудование на объекте заказчика.

Интересен тот факт, что в соответствии с заключенным договором заказчик имел право одностороннего отказа от исполнения договора «при условии, если не будет достигнута экономия (10%) электроэнергии на теплоснабжение в натуральном и стоимостном выражении от затрат, включенных в тариф потребителя».

Тем не менее обусловленность одностороннего отказа от энергосервисного договора была проигнорирована судами всех трех инстанций, немотивированный односторонний отказ от договора был признан правомерным, требование об обязанности энергосервисной компании демонтировать и вывезти оборудование было удовлетворено.

Суд применил норму о праве заказчика немотивированно отказаться от договора оказания услуг. Суд не придал значения тому факту, что условие реализации одностороннего отказа заказчиком, предусмотренное энергосервисным договором, не наступило.

В сложившейся ситуации энергосервисной компании для восстановления своей имущественной сферы доступно только право обратиться в суд с иском о взыскании фактически понесенных расходов (на разработку проекта теплоснабжения, установку и демонтаж оборудования и др.) на основании п. 1 ст. 782 ГК РФ.

Вопрос о том, вправе ли стороны своим соглашением отступать от положений п. 1 ст. 782 ГК РФ, дискуссионен. Между тем нельзя проигнорировать долгожданное разъяснение о диспозитивности ст. 782 ГК РФ, приведенное в п. 4 постановления Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах», которое, к сожалению, пока не получило широкого распространения в правоприменении³⁵.

В качестве аргументов к позиции энергосервисной компании укажем, что Верховый Суд РФ отметил:

³⁴ См. решение Арбитражного суда Республики Бурятия от 10 октября 2017 г. по делу № А10-3174/2017.

³⁵ В частности, суды начинают осторожно допускать согласование сторонами процедуры (как правило, отсрочки) реализации одностороннего отказа от договора оказания услуг (постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 февраля 2017 г. по делу № А40-61363/16; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20 марта 2015 г. по делу № А67-2917/2014; постановления Арбитражного суда Уральского округа от 18 августа 2015 г. по делу № А07-24368/2014, от 24 ноября 2015 г. по делу № А07-23817/2013).

при осуществлении права на одностороннее изменение условий обязательства или односторонний отказ от его исполнения сторона должна действовать разумно и добросовестно, учитывая права и законные интересы контрагента (п. 3 ст. 307, п. 4 ст. 450¹ ГК РФ). Нарушение этой обязанности может повлечь отказ в судебной защите названного права полностью или частично, в том числе признание ничтожным одностороннего изменения условий обязательства или одностороннего отказа от его исполнения (п. 2 ст. 10, п. 2 ст. 168 ГК РФ)³⁶. Однако в силу высокой степени усмотрения суда при оценке категорий «разумно», «добросовестно» представляется маловероятным, что данный аргумент сыграет ключевую роль в споре.

Подводя итог настоящему разделу, констатируем, что при реализации энергосервисного договора энергосервисная компания, в сущности сама зарабатывая себе вознаграждение, достигая своими усилиями экономии ресурсов заказчика, вынуждена мириться с неустранимым риском немотивированного отказа заказчика на любой стадии энергосервисного проекта.

3.2. Изменение и расторжение энергосервисного договора в судебном порядке. Согласно гражданскому законодательству договор может быть изменен или расторгнут по инициативе одной из сторон в судебном порядке в следующих случаях:

1) существенное нарушение договора другой стороной (подп. 1 п. 2 ст. 450 ГК РФ);

2) существенное изменение обстоятельств, из которых стороны исходили и которые они не могли предвидеть при заключении договора (п. 1 ст. 451 ГК РФ);

3) иные случаи, предусмотренные ГК РФ, другими законами или договором (подп. 2 п. 2 ст. 450 ГК РФ).

Не углубляясь в детали и тонкости каждого законодательно установленного основания для расторжения или изменения договора, отметим, что при применении каждого из них суд обладает высокой степенью усмотрения, поскольку речь идет об оценочных категориях.

В рамках настоящего исследования для целей расторжения и изменения договора считаем целесообразным остановиться именно на особенностях энергосервисного договора, которые должны быть учтены судом при определении существенности нарушения и изменения обстоятельств, а также при расторжении и изменении договора в целом.

В энергосервисном договоре срок его действия представляет собой ценность для исполнителя. В связи с этим обстоятельством считаем необходимым обратиться к относительно новым положениям Принципов УНИДРУА, которые предусматривают особенности регулирования долгосрочных договоров.

³⁶ См. п. 14 постановления Пленума ВС РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении».

Главная заслуга Принципов УНИДРУА в редакции 2016 г.³⁷ состоит в признании специфики регулирования долгосрочных договоров. Положения Принципов УНИДРУА в редакции 2010 г. в основном регулировали договоры с разовым исполнением, в то время как договоры с длящимся исполнением (т. е. долгосрочные договоры) лежат вне сферы их регулирования. Важно отметить и растущий интерес к данной теме в научном сообществе³⁸.

Переходя непосредственно к анализу некоторых положений Принципов УНИДРУА, приведем дефиницию долгосрочного договора, закрепленную в ст. 1.11 Принципов УНИДРУА: долгосрочный договор (long-term contract) — контракт, который должен исполняться в течение определенного временного периода, а также, как правило, характеризуется тем, что имеет сложную структуру и устанавливает продолжающиеся (длющиеся) отношения сторон.

Относимость энергосервисного договора к долгосрочным по смыслу Принципов УНИДРУА не вызывает сомнений. Приведем некоторые положения Принципов УНИДРУА о долгосрочных договорах, которые могут стать ориентиром при регулировании судьбы такого договора.

Во-первых, даже при наличии общей обязанности сотрудничества (ст. 5.1.3 Принципов УНИДРУА), в комментариях к указанной статье отдельным пунктом подчеркивается значимость данного принципа для долгосрочных договоров, что говорит о повышенных стандартах к названному принципу в комплексных, долгосрочных обязательствах. Кроме того, на протяжении всего текста указывается на приоритетную роль переговоров для разрешения спорных ситуаций и исключительное применение радикальных мер в виде судебного расторжения.

Предложенные рекомендации согласуются с позицией судебной практики. Возможность расторжения энергосервисного договора по общим основаниям ГК РФ успела стать предметом рассмотрения судебного спора³⁹. В качестве существенного нарушения заказчик расценивал неисполнение энергосервисной компанией обязательств по поддержанию определенного уровня освещенности. После детального анализа обстоятельств дела с рассмотрением особенностей формирования цены энергосервисного договора и по-

рядка ее оплаты суд пришел к выводу, что расторжение договора в данном случае не соответствует допущенным обществом нарушениям. В обоснование своей позиции суд сослался на позицию Верховного Суда РФ, изложенную по делу о расторжении договоров промышленного рыболовства: «Расторжение договора, влекущее такие серьезные последствия для сторон, как прекращение правоотношений, является крайней мерой, применяемой к недобросовестному контрагенту в случае, когда все другие средства воздействия исчерпаны, а сохранение договорных отношений становится нецелесообразным и невыгодным для другой стороны»⁴⁰.

Кроме того, суд отметил: истец не доказал, что сохранение договорных отношений является нецелесообразным и невыгодным для него. Таким образом, ненадлежащее исполнение обязательства по своевременной замене светильников не было признано основанием для расторжения договора. По мнению суда, такая мера ответственности, как расторжение договора, несопоставима степени существенности допущенных ответчиком нарушений и балансу интересов сторон.

Напомним, что в деле о применении к энергосервисному договору правил о немотивированном одностороннем отказе энергосервисная компания не нарушала договор, однако суд признал отказ правомерным. Сравнение данных двух ситуаций выявляет противоречие и серьезный юридический риск исполнителя энергосервисного договора. Причина таких подходов суда заключается в неправильном понимании структуры обязательств энергосервисного договора.

Вновь обращаясь к отмеченной в Принципах УНИДРУА специфике регулирования долгосрочных договоров, обратим внимание на комментарий к ст. 4.3 «Принимаемые во внимание обстоятельства» Принципов УНИДРУА. Эта статья применяется при толковании договора. В комментарии к данной статье отдельным пунктом подчеркивается «эволюционная» природа долгосрочных договоров. Речь идет о том, что в ходе исполнения договора с течением времени условия необходимо адаптировать под меняющиеся внешние обстоятельства. В качестве способа адаптации договора Принципы УНИДРУА предлагают сторонам долгосрочного договора следующий механизм. Во избежание злоупотреблений со стороны друг друга стороны вправе создать специальный «комитет по управлению контрактом», который может включать независимых консультантов и (или) представителей сторон. Такой комитет может осуществлять контроль за выполнением сторонами требований договора и при необходимости предпринимать меры по корректировке договора. Адаптация договора внешними силами (комитетом или судом)

³⁷ UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts, 2016 International Institute for the Unification of Private Law (UNIDROIT). P. 2.

³⁸ См.: Robertson D. Symposium Paper: Long-Term Relational Contracts and the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts, 17 Austl. Int'l L. J. 185 (2010); Дорохов А. И., Игнатъев О. В. Долгосрочные договоры в контексте принципов УНИДРУА: новый взгляд на проблему // Закон. 2018. № 4.

³⁹ См. постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 5 марта 2018 г. по делу № А06-5294/2017.

⁴⁰ Определение ВС РФ от 23 июня 2017 г. № 307-ЭС17-7469 по делу № А52-2120/2016.

не должна приводить к противоречию с существом обязательств сторон.

В связи с этим нельзя не отметить позитивный пример урегулирования спорной ситуации по энергосервисному договору российским судом. В деле по требованию о взыскании задолженности по энергосервисному договору суд де-факто признал изменение порядка определения цены договора и обязал заказчика выплатить сумму, рассчитанную по измененной (адаптированной) формуле⁴¹. Чтобы понять суть спора, необходимо привести технические детали.

Администрация г. Кирова в качестве заказчика и энергосервисная компания в качестве исполнителя заключили энергосервисный договор, в соответствии с которым исполнитель обязался осуществить выполнение энергоэффективных мероприятий на 14 790 светильниках наружного освещения, а заказчик обязался ежеквартально уплачивать цену, равную 90% экономии электричества.

Основным энергоэффективным мероприятием была замена старых светильников на новые с лучшими показателями энергоэффективности. Однако на стадии демонтажа выяснилось, что порядка 20% старых светильников находились в неработоспособном состоянии, что противоречило исходным данным, предоставленным заказчиком. Энергосервисная компания провела мероприятия, установив 100% новых лампочек, что сократило потребление электроэнергии 80% старых ламп, но добавило 20% новых ламп, потребляющих электроэнергию.

В связи с ошибкой в исходных данных базовый уровень энергопотребления был рассчитан неверно. В результате

⁴¹ См. решение Арбитражного суда Кировской области от 17 ноября 2015 г. по делу № А28-2830/2015; постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 2 июня 2016 г. № Ф01-1469/2016 по делу № А28-2830/2015.

реализации энергосервисных мероприятий энергосберегающий эффект был достигнут в отношении 80% ламп, но последний был нивелирован включением в работу дополнительных 20% ламп. Экономически заказчик не получил никакой экономии энергопотребления, в связи с чем отказывался выплачивать вознаграждение исполнителю.

Тем не менее суд обязал администрацию оплатить вознаграждение исполнителю исходя из фактически достигнутого размера экономии, т. е. с использованием скорректированных исходных данных в формуле.

Таким образом, в отношении энергосервисного договора как договора долгосрочного, устанавливающего длящиеся комплексные отношения сторон, необходимо, с одной стороны, обеспечивать исполнение сторонами договора на согласованных условиях, а с другой стороны — допускать адаптацию условий к меняющимся обстоятельствам. При этом расторжение договора (особенно по общим положениям) должно допускаться с большой осторожностью, как крайняя мера.

Заключение. Энергосервисный договор представляет собой договор с обязательством достижения нематериального результата, который не вписывается в типичные договорные конструкции Гражданского кодекса РФ.

При квалификации энергосервисного договора предлагаем руководствоваться практическими соображениями, а именно признанием права сторон в максимальной степени самостоятельно определять условия соглашения, а не претерпевать применение императивных норм, вытекающих из отдельного договорного типа.

При регулировании энергосервисного договора следует руководствоваться спецификой долгосрочных договоров, описанной в Принципах УНИДРУА 2016 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Bleyl-Androschin J. W., Ungerböck R. What is Energy Contracting (ESCo services)? 2009. URL: <http://www.ieadsm.org/task/task-16-innovative-energy-services-energy-contracting-esco-services>.
- Hansen Sh. J., Langlois P., Bertoldi P. World ESCO Outlook, The Fairmont Press, Inc., 2012.
- Robertson D. Symposium Paper: Long-Term Relational Contracts and the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts, 17 Austl. Int'l L. J. 185 (2010).
- Акифьева А. А. Развитие теории о делении обязательств на обязательства по приложению усилий и достижению результата во французской доктрине гражданского права // Вестник гражданского права. 2015. № 3.
- Белов В. А. Гражданское право: в 4 т. Т. 2. Кн. 1. М., 2016.
- Бурчакова А. А. Развитие механизма энергосервиса как направления повышения энергоэффективности: дис. ... канд. экон. наук. М., 2016.
- Васильченко А. И. Энергосервисный договор: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015.
- Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. М., 2016. Т. 2.
- Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. М., 2017. Т. 2.
- Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307—453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2017.
- Дорохов А. И., Игнатьев О. В. Долгосрочные договоры в контексте принципов УНИДРУА: новый взгляд на проблему // Закон. 2018. № 4.
- Ищенко И. А., Земцов А. А. Энергосервисный контракт как новый вид инвестиционного договора // Проблемы учета и финансов. 2012. № 3(7).

Карпетов А. Г. К вопросу о снижении платы за отказ от договора. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 28.06.2017 № 309-ЭС17-1058 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 8.

Карпетов А. Г. Условные права и обязанности: обзор проблемных вопросов применения ст. 157 и 327¹ ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 6.

Карпетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. М., 2012. Т. 2.

Матвеева Е. Ю. Правовое регулирование энергосервисных контрактов в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

Матяшук С. В. Система договорных отношений в электро- и теплоснабжении в условиях развития когенерации: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2012.

Модельные правила европейского частного права. Пер. с англ. / науч. ред. Н. Ю. Рассказова. М., 2013.

Создание и деятельность энергосервисных компаний и перформанс-контрактов в России. Т. 1: Энергосервис и перформанс-контракты: возможности и проблемы их реализации России / под ред. И. Г. Грицевич. М., 2011.

Степанов Д. И. Услуги как объект гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

Туликов А. В. Правовые аспекты энергосервисной деятельности // Энергосбережение. 2012. № 1.

Янсон С. Ю. Обеспечение энергосбережения в военно-бюджетной сфере на основе развития института энергосервисных контрактов // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 8.

REFERENCES

Akif'eva A. A. Evolution of the theory of obligations to achieve result and obligations of skill and care in french civil law. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2015, no. 3, pp. 237—278. (In Russ.)

Belov V. A. Civil law. Vol. 2. Moscow, 2016. 453 p. (In Russ.)

Bleil-Androschin J. W., Ungerböck R. What is Energy Contracting (ESCo services)? 2009. Available at: <http://www.ieadsm.org/task/task-16-innovative-energy-services-energy-contracting-esco-services>.

Burchakova A. A. The development of the energy service mechanism as a direction for increasing energy efficiency. Cand. diss. Moscow, 2016. 202 p. (In Russ.)

Civil law. Ed. by A. P. Sergeev. Vol. 2. Moscow, 2017. 848 p. (In Russ.)

Civil law. Ed. by B. M. Gongalo. Vol. 2. Moscow, 2016. 543 p. (In Russ.)

Contract and law of obligations (general part): article-by-article commentary on Articles 307—453 of the Civil Code of the Russian Federation. Ed. by A. G. Karpetov. Moscow, 2017. 1120 p. (In Russ.)

Creation and operation of energy service companies and performance contracts in Russia. Vol. 1: Energy service and performance contracts: opportunities and challenges for their implementation in Russia. Ed. by I. G. Gritsevich. Moscow, 2011. 109 p. (In Russ.)

Dorokhov A. I., Ignat'ev O. V. Long-term contracts in the context of the unidroit principles: a new perspective on the problem. *Zakon*, 2018, no. 4, pp. 148—161. (In Russ.)

Hansen Sh. J., Langlois P., Bertoldi P. World ESCO Outlook, The Fairmont Press, Inc., 2012.

Ishchenko I. A., Zemtsov A. A. Energoservice contract as a new type of investment agreements. *Problemy ucheta i finansov*, 2012, no. 3(7), pp. 7—9. (In Russ.)

Karpetov A. G. Conditional rights and obligations: a review of problematic issues of the application of Art. 157 and 327.1 of the Russian Civil Code. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*, 2017, no. 6, pp. 71—128. (In Russ.)

Karpetov A. G. To the question of reducing the fee for the cancellation of the contract. Commentary on the determination of the Judicial Board on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.06.2017 no. 309-ES17-1058. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*, 2017, no. 8, pp. 10—21. (In Russ.)

Karpetov A. G., Sav'el'ev A. I. Freedom of contract and its limits. Moscow, 2012. Vol. 2. 453 p. (In Russ.)

Matiyashchuk S. V. The system of contractual relations in electricity and heat supply in the conditions of development of cogeneration. Dr. diss. St. Petersburg, 2012. 407 p. (In Russ.)

Matveeva E. Yu. Legal regulation of energy service contracts in the field of procurement for state and municipal needs. Cand. diss. Moscow, 2016. 217 p. (In Russ.)

Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of reference. Ed. by N. Yu. Rasskazova. Moscow, 2013. 989 p. (In Russ.)

Robertson D. Symposium Paper: Long-Term Relational Contracts and the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts, 17 Austl. Int'l L. J. 185 (2010).

Stepanov D. I. Services as an object of civil rights. Cand. diss. Moscow, 2004. 315 p. (In Russ.)

Tulikov A. V. Legal aspects of energy service activities. *Energoberezhenie*, 2012, no. 1, pp. 10—15. (In Russ.)

Vasil'chenko A. I. Energy Service Contract. Cand. diss. St. Petersburg, 2015. 147 p. (In Russ.)

Yanson S. Yu. Providing energy savings in the military budget sector through the development of the institute of energy service contracts. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh*, 2015, no. 8, pp. 100—106. (In Russ.)